

ОБСУЖДЕНИЕ РУССКОГО ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ М. ФАСМЕРА

В. Н. ТОПОРОВ

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА *

1

Этимология уже давно прочно связала себя с историческим языкознанием. Само возникновение сравнительно-исторического метода и создание сравнительной грамматики индоевропейских языков основывалось на результатах этимологических исследований в гораздо большей степени, чем принято считать. Развитие сравнительной фонетики индоевропейских языков полностью определялось успехами этимологии. И если впоследствии, с конца 70-х годов XIX в., утвердилось мнение, что одной из важнейших основ сравнительной грамматики является принцип безысключительности фонетических законов, позволяющий строить ряды соответствий и служащий инструментом и одновременно критерием надежности этимологии, то это произошло лишь потому, что в течение 35—40 лет до указанного периода в результате подвижнической деятельности Потта, Фика и других этимологов был собран огромный материал, легший в основу сравнительной фонетики индоевропейских языков. Тем не менее при сравнении места, которое занимали этимологические труды в прошлом веке и сейчас, оказывается, что доля этимологии в лингвистических исследованиях несомненно уменьшается в количественном отношении. Нечего и говорить, что проблемы этимологического анализа в современном теоретическом языкознании пока отнесены на периферию. Было бы ошибочным считать такое положение случайным. Более того, в известном смысле можно сказать (хотя заранее легко предвидеть многочисленные возражения со стороны этимологов), что этимология заслуживает той участи, которую она разделяет теперь. Перед этимологией открываются два пути: или примириться с ее все уменьшающимся значением, или же выработать новые методы анализа, приведя их в соответствие с достижениями современного теоретического языкознания.

Положение этимологии в кругу других лингвистических дисциплин определяется еще одним важным обстоятельством. Деятельный век передоверил двадцатому задачу подведения итогов этимологических исследований — составление этимологических словарей для большинства индоевропейских языков, в частности для всех славянских. Эта задача решается и сейчас, причем понимание целей и задач этимологии, принципы анализа материала в гораздо более значительной степени, чем в других областях языкознания, унаследованы от XIX в. Во всяком случае это утверждение вполне действительно в отношении этимологических слова-

* В настоящем разделе редакция помещает материалы пятого расширенного пленарного заседания Словарной комиссии Отделения литературы и языка АН СССР, посвященного обсуждению «Русского этимологического словаря» М. Фасмера (заседание происходило 2—3 декабря 1959 г.). Из докладов, поставленных на обсуждение, редакция публикует с некоторыми сокращениями доклад В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева, поскольку они касаются ряда вопросов, имеющих общее значение. Другие доклады, посвященные более специальным проблемам, публикуются в «Лексикографическом сборнике». — *Ред.*

рей славянских языков. Поэтому естественно, что каждый новый словарь скорее отражает уже пройденный этап, чем настоящий, и сразу же по его появлении возникает необходимость или по крайней мере желание создать новый этимологический словарь.

Если обратиться к индоевропейской и славянской этимологии последних десятилетий, то окажется, что есть основания говорить об известном кризисе в этой области. Реально он проявляется в том, что за последние годы сильно уменьшилось число людей, занимающихся этимологией, и резко сократилось количество этимологических статей в лингвистических журналах и сборниках. Может быть, еще важнее то обстоятельство, что современные этимологи ищут решения своих задач, если можно так выразиться, на «непрямых путях». Дисциплинирующая сила фонетических законов и построенной с их помощью сети фонетических соответствий раньше воспринималась как необходимое условие и надежный критерий каждой строго научной этимологии. Теперь же этимолог во все возрастающей степени ощущает бремя этих законов и ищет любого удобного случая, чтобы выйти в область этимологических решений, не ограниченных столь жестко какими-либо строгими правилами. Кажется, этимологи слишком буквально поняли скорее остроумный, чем справедливый афоризм, приписываемый Мейе («все хорошие этимологии уже найдены, а те, что еще не найдены, — нехороши»), и устремились к тем средствам анализа, которые имеют дело не с правилами, а с исключениями. Отсюда — понятное перемещение интересов из области, где каждый шаг строго детерминирован, в широкие сферы, в которых каждое заключение — не больше, чем одна из вероятностей, и где интуиция этимолога вновь оказывается решающим аргументом. Так снова возникает вопрос об отношении *ars etymologica* к *scientia etymologica*.

Однако и на путях так называемой «традиционной» этимологии в последние десятилетия возникли новые проблемы, существенно отразившиеся на этимологических исследованиях. Теория строения индоевропейского корня, опирающаяся, в частности, на признание двух состояний каждого корня, способных присоединять те или иные расширители или суффиксы, позволила связать в единую цепь целый ряд корней, рассматривавшихся ранее в качестве вполне самостоятельных и независимых друг от друга. Положительные последствия этого замечательного открытия для этимологии очевидны. Сейчас же хотелось бы обратить внимание на те следствия, вытекающие из этой теории, которые создают дополнительные трудности при этимологическом анализе и вынуждают и в области традиционной этимологии в большей степени ориентироваться на вероятностные заключения, чем на категорические выводы. В самом деле, принятие теории корня с двумя состояниями значительно увеличивает число возможных этимологических решений, тем более что становится малосущественной разница в тех элементах сравниваемых корней, которые некогда относились к распространению корня, а различие в огласовке корня теряет во многом свое прежнее значение. Стоит также напомнить, что некоторые языки настолько трансформировали свою фонологическую систему, что установление соответствий между ними и общиндоевропейским если и возможно, то часто мало полезно. Речь идет не о германских или подобных им языках, где вся система смычных согласных оказалась как бы сдвинутой на один шаг; в таких случаях достижение первоначального состояния и, следовательно, установление соответствий не представляет трудности, тем более что дополнительно исследователю даны некоторые контрольные вехи для проверки (например, закономерные явления, отмеченные Вернером). Более поучительна и сложна ситуация, возникающая в тех языках, где используется код, лишенный целого ряда элементов по сравнению с общиндоевропейским кодом. Такая ситуация встречается, например, в тохарском языке, в фонологической системе которого в известный период были сняты противопоставления по глухости-

звонкости и по придыхательности-непридыхательности. Поэтому тохарский корень типа *tot-*, где *t* символизирует смычный согласный, а *o* — гласный непереднего ряда, теоретически в равной степени может считаться результатом перекодирования девяти общеиндоевропейских сочетаний — *tot, dot, dhot, tod, todh, dod, dodh, dhod, dhodh*. Если еще учесть, что и вокалический центр корня может восходить не к одной гласной фонеме, то, даже откинув некоторые корни, несовместимые с требованиями, предъявляемыми к индоевропейскому корню, получится слишком густая сеть соответствий, чтобы надеяться на достоверную этимологию данного тохарского корня. Одним словом, получается на первый взгляд примерно такая картина, которая некогда вызвала язвительное определение этимологии Вольтером как «науки, где гласные ничего не значат, а согласные значат очень мало».

Понятно, что в этих условиях особое значение приобретает вопрос о критериях надежности той или иной этимологии. Пока же этот вопрос не поставлен надлежащим образом, и строгие критерии правильности (истинности) при этимологическом анализе заменяются интуицией, которая — в конечном счете — обычно зависит от уровня знаний и от личного опыта того или иного этимолога. Нужно думать, что ни весьма полезное в частных случаях изучение историко-культурных реалий, ни обращение к помощи субстрата или адстрата, ни принятие нерегулярных, чаще всего «экспрессивных» фонетических изменений (Махек, Яначек, Ливер), ни своеобразный этимологический дадаизм последних работ Вайяна (если говорить только о славянской этимологии) — как порознь, так и в сочетании друг с другом — не могут вывести этимологические исследования из надвигающегося кризиса. Каждое из перечисленных здесь направлений вполне закономерно и полезно, если только при этом существует определенный контроль, своего рода «обратная связь». Суть каждого такого подхода и целого ряда других, представленных в западном языкознании, но отсутствующих в работах по славянской этимологии, сводится к интерпретации некоторой части словаря с заданной точки зрения. В любом случае большая часть слов оказывается неподходящей для этимологического анализа. Даже та небольшая часть, которая принципиально доступна анализу с точки зрения перечисленных направлений, практически оказывается еще меньшей, поскольку, между прочим, этимолог сплошь и рядом не в силах решить, отражало ли данное слово в момент возникновения культурное понятие или нет, и, следовательно, может ли это слово интерпретироваться в свете историко-культурных реалий. С другой стороны, нет гарантии, что слово, рассматривающееся как экспрессивное, действительно было таковым в тот отдаленный период, когда сложилось слово и от которого не дошло до нас никаких текстов.

Так как ни одно из названных направлений не может претендовать на универсальность, предлагаемые ими пути в лучшем случае следует считать паллиативами, эффективными главным образом лишь постольку, поскольку данная область остается недостаточно исследованной.

Иногда говорят, что в современной науке наиболее результативными являются традиционные принципы этимологии и что другого направления в этимологии, которое означало бы прогресс, в настоящее время нет. С этим положением пока приходится согласиться, тем более что понятие «традиционные принципы» не определено с достаточной четкостью. Однако, как только мы перейдем от практической задачи составления этимологического словаря к более общим проблемам этимологии, окажется, что «традиционные принципы» пока довольно хорошо применимы к славянской этимологии, во многом еще не вышедшей из стадии собирания материала, но становятся малоэффективными для современной романской или германской этимологии в наиболее продвинутых ее направлениях.

Если только «традиционные принципы» в этимологии не синоним всего лучшего, что сделано в этой области, то под ними следует понимать

те принципы этимологического анализа, которые выросли из достижений сравнительно-исторического языкознания и основываются, в частности, на положении о безысключительности действия фонетических законов. В каком объеме «традиционные принципы» этимологии включают в себя экскурсы в лингвистические области, сказать трудно. Каждый этимолог отвечает на этот вопрос по-разному, и поэтому тут едва ли нужно говорить о традиции. Если изложенное здесь понимание «традиционных принципов» этимологии верно, то в таком случае окажется, что этимология опирается на теоретические основы, которые в самом сравнительно-историческом языкознании подвергаются теперь или достаточно серьезной критике, или переосмысливаются в соответствии с новыми взглядами. В частности, тот факт, что в настоящее время все более серьезными становятся аргументы в пользу замены старого приема сравнения отдельных изолированных элементов сравнением целых пучков элементов, образующих систему (пусть элементарную), в сочетании с открывающейся возможностью преобразовать сравнительно-историческую грамматику в структурную типологию родственных языков, делает очевидным расхождение между теоретическим основанием современной компаративистики и принципами этимологического исследования. Возникает ряд вопросов. Нужно ли бояться этого расхождения? Насколько жестко современная этимология связана со сравнительным языкознанием? Должна ли этимология и в дальнейшем опираться только на «традиционные принципы», пусть совершенствуя их? Или в будущем этимология, которая некогда уже изменила принципу омофонии, изменит и сравнительному языкознанию? Эта серия вопросов вызывает ряд других: что такое этимология? какой она станет в будущем?

Ответить на все это едва ли можно вообще, тем более в пределах одной статьи. И тем не менее на каждом повороте науки мы должны ставить подобные вопросы и пытаться отвечать хотя бы на некоторые из них. Возможно, что практическим работникам в области этимологии эти вопросы покажутся праздными и они будут ссылаться на высокую результативность «традиционного» направления. Мне, однако, представляется, что эта результативность одновременно несет в себе опасность сужения этимологической проблематики. Нужно постоянно помнить, что эта результативность объясняется единственно тем, что «традиционная» этимология с самого начала была ориентирована на принципы сравнительно-исторического языкознания. Результативность такого подхода, если угодно, была задана по условию, и поэтому «традиционная» этимология не может не быть результативной в тех пределах, которые ей поставлены теорией, служащей ее опорой.

2

Место этимологии в современном языкознании определяется сложным соотношением ее задач и задач других лингвистических дисциплин, без которых она не может существовать. Поэтому есть основание говорить об особом месте этимологии среди таких областей языкознания, как фонология, морфология, синтаксис, лексикология и семантика. Несмотря на тесные связи между перечисленными дисциплинами, каждая из них обладает вполне определенной автономией, в равной степени допускает изучение в двух измерениях (диахронически и синхронически) и, наконец, в любой из них чисто дистрибутивным путем можно выделить (причем без обращения к другим областям) единицы, характерные для данной области. Об этимологии этого сказать нельзя. По существу она сводится к комбинации ряда средств анализа, заимствованных из фонетики, словообразования, морфологии, лексикологии, семантики и других дисциплин, с целью решить проблему, относящуюся к сфере исторического языкознания, —

проблему происхождения слова. При этом следует указать, что в каждом индивидуальном случае комбинация указанных средств не остается неизменной. Поэтому в этимологии особенно трудно дать модель акта этимологизирования. Этимология не может претендовать на то, чтобы в результате использования этих приемов были получены выводы, имеющие отношение только к ней. Если же еще добавить, что моделирование семантической стороны данной этимологии корректируется или определяется нашими познаниями в области соответствующих культурно-исторических реалий (от деталей технологии орудий производства до особенностей восприятия окружающего мира), то окажется, что этимология пока, строго говоря, не может полностью уложиться в рамки только языкознания. Она находится в известной зависимости (хотя и не во всех случаях) также от лингвистических данных, в связи с чем некоторые ее выводы безразличны и для других областей науки.

Еще одна существенная особенность этимологии заключается в том, что она имеет чрезвычайно небольшое отношение к основной функции языка — к коммуникативной функции. Уже сам поиск этимологии данного слова означает, что его внутренняя форма не ясна говорящему или понимается им неправильно. Поэтому, как правило, не может быть и речи об отношении этимологии к вопросу о коммуникативной функции. Сделаю в связи с этим два замечания. Первое — лингвист, устанавливающий этимологию слова, этимологически темного для членов данного речевого коллектива, получает дополнительную информацию о внутренней форме далекого предшественника современного слова (например, он устанавливает, что *лес* был назван в связи со словом *пестрый*). В таком случае можно говорить о вскрытии одностороннего канала коммуникации во времени, по которому к нам поступает сообщение. Второе — о пространственной коммуникации можно говорить лишь в отношении синхронической этимологии. Случаи «народной» этимологии, заимствования, когда они ощущаются как таковые говорящими, слова с прозрачной внутренней формой, описательные слова и т. п. явления характеризуются тем, что, помимо обычной информации, содержащейся в каждом слове, они несут некоторую дополнительную (поясняющую или указывающую на определенный стилистический ключ). В таком случае можно говорить о вкладе этимологически прозрачных единиц в акт коммуникации. Однако коммуникация такого рода имеет дело не столько с обменом сообщениями с познавательной функцией, сколько с обменом сообщениями с эмотивной или поэтической функцией. Именно в этом — ключ к исследованию структуры поэтического знака и к анализу синхронической этимологии, важным источником которой является поэтический язык.

Особое положение этимологии среди других лингвистических дисциплин и ее отсталость проявляются, может быть, лучше всего в том, что до сих пор большинство исследователей явно или тайно основную задачу этимологии видят в поиске этимона. Правда, в последнее время чаще стали раздаваться голоса, сомневающиеся в целесообразности, а иногда и в реальности таких поисков. Но обычно они принадлежат не этимологам, а специалистам в области лексикологии или семантики, и основной пафос этих выступлений заключается в призыве к учету системных отношений в лексике и в семантике (ср. известное выступление Вартбурга в 1937 г.). Что касается специалистов в области этимологии, то они в большей степени пока озабочены введением некоторых средств контроля правильности этимологии (Малькпелль, Пирон), чем собственно структурным подходом к этимологическому анализу. В связи с последним можно, пожалуй, назвать только Гиро, чье определение задач этимологии представляется пока наиболее удачным¹.

¹ См. P. G u i r a u d, Les champs morpho-sémantiques (critères externes et critères internes en étymologie). BSLP, t. 52, fasc. 1, 1956, стр. 269.

Пытаясь учесть и элементы структурного подхода, и элементы, осуществляющие контроль и корректирующие правильность данной этимологии (аналог «обратной связи» в некоторых системах), можно предложить следующее понимание задач этимологии: определение координат разных систем (фонологической, словообразовательной, лексической, семантической, поэтической и т. п.), пересечение которых порождает данное слово, и определение последующей траектории слова.

3

Нередко этимологию рассматривают как уникальный инструмент для извлечения исторических данных, поскольку они отражены в языке. И чаще всего именно в связи с этимологией говорят об историзме в языкознании. Более того, случается, что на основании только этимологии делаются выводы исключительно исторического характера. Разумеется, что этимология действительно теснее связана с историко-культурным контекстом, чем другие разделы языкознания. Здесь хотелось бы в порядке предварительных соображений высказать ряд замечаний об «историзме» в этимологии. Рассматривать все стороны языка обязательно в историческом плане, вероятно, возможно, но далеко не всегда целесообразно. По-видимому, многое зависит от того, каким количеством степеней свободы обладает данный лингвистический факт в отношении к соответствующей культурно-исторической реальности. Чем больше количество степеней свободы, тем проблематичнее поиск исторических реалий. Чем меньше количество степеней свободы, тем больше возрастает значение внешних по отношению к языку фактов, в том числе и исторических, и тем меньше собственно лингвистическая информация о слове. Интуитивное понимание этой зависимости присуще большинству этимологов; поэтому, говоря об «историзме» этимологии, обычно имеют в виду анализ лишь одной части словаря, включающей лексику, относительно которой заранее известно, что она в значительной степени обусловлена реалиями. Не случайно, что в связи с этимологией слов типа *я, ты, спать, идти, вода, плохой* и т. п. предпочитают не говорить об исторической направленности этимологии.

Думается, что существующее понимание значения этимологии для исследования исторических (в широком смысле) отношений нельзя признать полностью правильным. Едва ли кто-нибудь будет сейчас считать подлинно историческим подходом к фонетике утверждения вроде «такой-то звук языка А происходит из такого-то звука языка В». Нам необходимо знать — для действительно исторического анализа — место данного звука в тексте и его место в данной системе как в языке А, так и в языке В. Без этих данных нам останется неизвестной функциональная нагрузка изучаемых фонем, их разрешающая сила. В этимологических же исследованиях сколько угодно могут говорить об истории слова, не учитывая его связей ни в разные периоды его истории, ни в современном языке. Второе распространенное заблуждение заключается в том, что этимологи часто забывают, что какой бы значительной ни была обусловленность слова со стороны исторических реалий, всегда существует лингвистическая обусловленность данного слова, которая заставляет ту или иную историческую реалью выбрать вполне определенный, в известной степени предначертанный путь воплощения в языке. Поэтому суть «историзма» в этимологии не столько в том, что нам удается вскрыть нечто новое в истории, сколько в том, что, обладая определенными познаниями в культурно-исторической сфере, мы при этимологическом исследовании слов, имеющих отношение к этой сфере, строим возможные модели образования значения этих слов, исходя из исторических данных, а затем проверяем эти модели на собственно лингвистическом материале; и эта проверка является как раз решающим критерием истинности этимологии.

В самом деле, количество этимологий, позволивших вскрыть дотолде

неизвестные реалии, ничтожно мало и, нужно думать, никогда не будет большим. С другой стороны, имеется достаточно много этимологий, которые подтверждают и без того известные исторические факты. При этом ошибочным было бы считать, что этимология, подтверждающая данный исторический факт, является абсолютно правильной и гарантирует правильное понимание соответствующей исторической реалии. Дело в том, что наличие большого числа степеней свободы у слова в отношении к реалии делает необходимой постановку не одного, а очень многих вопросов, обращенных этимологом к данному слову, которые и дают возможность построить своего рода этимологическую матрицу слова. Если обратиться к аналогиям, то можно сказать: один вопрос к русской фонеме *t*, глухая ли она или нет, явно недостаточен для определения ее специфики; для этого следовало бы задать все возможные вопросы, применимы к *t*, и получить все ответы. Поскольку же в этимологии мы не всегда в состоянии задать все вопросы в отношении данного слова, у нас не может быть абсолютной уверенности в том, что этимология этого слова отражает именно данный исторический факт. Чаще всего мы вправе сказать лишь то, что лингвистические данные не противоречат пониманию слова в свете таких-то историко-культурных фактов. Поэтому не мудрено, что такие, например, замкнутые пласты, как терминология родства или социальных отношений, приводят разных ученых к разным выводам в зависимости от того, какой тип родственных или социальных отношений был выбран как моделирующий. Учитывая эти особенности результатов этимологического анализа в отношении к истории культуры, можно говорить об этимологии в функции «подвижного определителя», меняющего свое значение в зависимости от выбранной системы координат. Следовательно, этимология слова обычно лишь подвижно определяет культурно-исторические реалии. Указание на то, что *змея* названа по принципу *земляная*, *пес* — *пестрый* и т. п., проигрывает в конкретности как потому, что и другие предметы могли называться *земляной*, *пестрый*, так и потому, что не всегда ясно, назван ли *пес* непосредственно по принципу «пестрый» или же между *пес* и *пестрый* стоял еще ряд понятий, обозначавшихся по этому же принципу (примеры такого рода хорошо известны.)

Из сказанного не следует делать вывода о недооценке исторических возможностей этимологии. Бесспорно, что изолированная этимология — даже самая блестящая — с трудом поддается проверке и поэтому не может непосредственно быть интерпретирована в историческом плане. Вероятность этимологии возрастает, когда имеется цепь связанных фактов, причем некоторые из них оправдывают моделирование их с помощью исторических сведений. Именно поэтому следует признать целесообразным этимологический анализ отдельных семантически замкнутых групп или даже анализ некоторых слоев лексики (так называемые «культурные» слова) на длительном протяжении истории языка в связи с историческим комментарием. Наконец, возможно обнаружение немаловажных историко-культурных реалий и на примере этимологии одного слова, если только оно связано с чем-то в другом языке и если общий исторический контекст оказывается благоприятным. К числу таких на редкость удачных этимологий принадлежит данное Бенвенистом объяснение поздно засвидетельствованного греческого слова *ἄβρυχα* «глиняная ваза, в которой опщали золото» в связи с хетто-хурритским *hubrušhi* «глиняный сосуд» и в связи с другими данными о металлургической технике и ее восточных корнях.

И все же ценность этимологии для истории заключается не только в таких случаях, охватывающих к тому же лишь меньшую часть словаря. Нужно думать, что подлинный историзм связан с определением последовательности способов моделирования окружающего мира, насколько это отражается в истории лексики и, как частный случай, при создании новых слов. Такой подход давал бы возможность использовать не только терминологическую и «куль-

турную» лексику, но словарь во всем его составе, что в свою очередь дало бы повод проверить наши этимологические решения и на материале, выходящем за пределы словаря, например на грамматике. Как в психоанализе на основании некоторых подсознательных явлений можно сделать заключение о психической организации личности, так на основании разных принципов разбиения действительности с помощью языка в связи с основными принципами называния можно реконструировать внутренний мир человека далеких эпох. Вероятно, лишь такой подход приблизил бы нас к важнейшей теме — язык и культура. И пусть не покажется парадоксальным утверждение, что этимология слова не меньше характеризует человека, чем предмет, названный этим словом.

4

Может ли этимология быть структурной? Точнее говоря, могут ли в этимологии использоваться приемы структурного анализа и дадут ли они сведения, существенные для знания структуры языка? Известно, что в каждый данный период существует обычно некоторая общелингвистическая теория, признаваемая центральной. Как правило, она не охватывает всей совокупности проблем, но все же она отвечает на большее количество вопросов, чем любая другая соперничающая с ней теория, и поэтому считается основной. Доминирующее положение такой теории определяет в очень значительной степени и новый аспект исследования в традиционных областях, которые — в частном случае — могут и не входить в сферу компетенции этой общей теории. Получается, что общая теория как бы индуцирует все области, вызывая в них постановку новых проблем или же предлагая новые способы решения старых проблем. Несомненно, что сейчас в центре стоит структурное языкознание, отвечающее на большинство вопросов и дающее более простые и изящные решения. Оно поддержано, с одной стороны, аналогичным развитием в ряде других наук, с другой — мощными средствами строгого анализа, зачастую связанного с математикой. Структурная лингвистика продолжает экспансию, захватывая все новые области, очень далекие от нее вначале (история языка, диалектология, лингвистическая география, семасиология, проблема «язык и общество», стилистика, поэтика и т. д.). По этой причине каждый этимолог должен решить вопрос об отношении избранной им области к структурному языкознанию, и в случае, если это отношение существует, он должен решить, какой должна быть конфигурация проблем в этимологии в соответствии с требованиями структурной лингвистики и какие приемы анализа надо использовать в этимологии.

До сих пор традиционное понимание задач этимологии предполагает почти совершенное игнорирование системного подхода к фактам языка. Более того, известная формула Пизани, в которой определяются задачи этимологии, опирается по существу на отнесение этимологии к фактам речи, а не языка. Если же этимология действительно связана только с речью, то, конечно, бесполезно говорить о структурном подходе к ее изучению. К счастью, дело обстоит не так. Хотя различия в жизненном и профессиональном опыте, в образовании, в знании иностранных языков, в эстетической чуткости к слову определяют несколько различных объем слов, этимологизируемых каждым говорящим, и, главное, различные типы этимологизирования, все же расхождения будут касаться в общем очень небольшой части словаря, и они почти не влияют на коммуникативную функцию языка. Огромная же часть словаря или вовсе не этимологизируется говорящими (слова с утраченным ощущением внутренней формы), или же этимологизируется практически без индивидуальных различий, отражая систему языка (слова, сохраняющие в явном виде ощущение внутренней формы, производные образования продуктивных

типов, сложные слова различных видов; слова, выражающие соотносительные понятия, и т. п.). Поскольку этимологизация говорящими перчисленной категории слов (кстати, конечно, самой многочисленной) отражает отношения, существующие в языке, и, более того, помогает вскрыть и уточнить их, нельзя сомневаться в том, что этимология связана и с планом языка, хотя особенности этой связи существенно иные, чем в области фонологии, морфологии или синтаксиса. Если высказанные здесь соображения верны, структурный подход к этимологии оказывается принципиально допустимым. Остается выяснить, может ли и если может, то в каких направлениях практически реализоваться эта потенциальная возможность нового подхода.

Одним из серьезнейших недоразумений в области этимологических исследований было игнорирование синхронического подхода к этимологии («статической этимологии», как ее назвал Вандриес), пренебрежение к этимологии современного языка, к проверке этимологии этимологически прозрачных слов. Тем самым этимология лишилась возможности экспериментировать. Разве нет противоречия в том, что, интересуясь этимологией слов многовековой давности и зная, что через тысячу лет ученые будут исследовать вопрос об этимологии слов, возникших в XX веке, мы безразлично относимся к тем нормам этимологизирования, которые существуют в речевых коллективах сегодняшнего дня? Нас интересует этимология слова, возникшего, положим, в третьем тысячелетии до новой эры, и мы довольно категорически предлагаем свое решение. Но ведь если мысленно представить, что некая «машина времени» перенесет нас в эту отдаленную эпоху и ее язык станет нашим родным языком, мы все-таки не сможем выяснить многие этимологические вопросы, связанные с данным словом, поскольку у нас нет пока средств анализа этимологии в синхроническом плане. Неужели непременным условием этимологии является наличие многовековой дистанции между временем происхождения слова и этимологом? Исследования в области лексики и семантики современных языков ни в какой мере не компенсируют отсутствия исследований принципов этимологии, продуктивных в современном языке. Кстати, если бы такие исследования осуществлялись, стало бы ясно, насколько неоправданно претенциозны задачи традиционной этимологии, пытающейся однозначно определить точку во времени, когда возникло слово.

Поэтому здесь хотелось бы прежде всего подчеркнуть первостепенную важность синхронического подхода к этимологии, предполагающего выяснение мотивированности данного слова внутри каждой из систем, пересечение которых и образует это слово. Такой подход позволит построить элементарную модель акта этимологизации и основать этимологическое исследование на структурных принципах. Кроме того, он сделает более объемным и содержательным понимание этимологии, устранив, кстати, непроходимые препятствия, стоящие на пути между научной и «народной» этимологией. Возможно, что полезным оказалось бы исследование вопроса об «оказательных» случаях этимологизирования. Частный случай их проявления — поэтический язык. Когда М. Цветаева пишет: «Минута: мнущая, минешь! || Так мимо же и страсть и друг! || Да будет выброшено ныне ж — || Что завтра б — вырвано из рук! || Минута: мелящая! Малость || Обмеривающая; слышь:...». И далее: «Минута: мающая! Мнимость || Вскачь — медлящая! В прах и в хлам || Нас мелящая! Ты, что минешь: || Минута: милостыня псам!» — и т. д., то здесь также дается этимология слова *минута*, но она ориентирована не на код сравнительного языковедения, а на код поэтической речи.

Основания для структурного подхода к этимологии лежат в том, что каждое новое слово возникает на пересечении ряда систем, являясь как бы сгустком в определенном языковом поле. И если по одному слову

крайне трудно сделать заключение о породивших его системах, то, имея несколько связанных друг с другом слов, сделать такое заключение несравненно проще, поскольку возможность многозначной интерпретации в таком случае резко сокращается и, наоборот, контрольные средства проверки истинности данной этимологии возрастают. Этими обстоятельствами объясняется то, что в будущем этимология во все возрастающей степени должна будет заниматься не изолированными словами, а словами, входящими в уже известные семантическую, словообразовательную или лексическую системы. При этом степень структурности тех или иных этимологических утверждений будет зависеть от прогресса структурных методов в каждой из перечисленных областей. Преимущество от изучения этимологически или семантически связанных друг с другом слов, образующих определенную «микросистему», заключается в том, что можно извлечь дополнительную информацию о данном слове из сведений о других словах, связанных с первым. Кроме того, поскольку точное определение слова только извне невозможно, оказывается весьма полезной информация о целом, в которое входит данное слово.

По-видимому, постепенное введение структурных методов в этимологию может осуществляться по разным путям. Представители новых направлений в семантике (Трир, Вейсгербер, Остуд, Гиро, Ульман и др.) с разных сторон подходят к определению семантических систем, и можно предвидеть время, когда встанет вопрос о создании универсальной семасиологии. Здесь же уместно напомнить о важных мыслях Гринберга в связи с семантической типологией. Работы Бенвениста, Редара и Шантрена в области словообразования вводят элемент структурного анализа через исследование формантов: отсюда извлекается некоторая информация и о том, каким должен быть корень слова. Первые образцы структурно-этимологических исследований можно видеть в некоторых статьях Бенвениста, Гиро, Порцига, Дюмезиля. Наконец, именно Гиро в своей теории «морфо-семантических» полей в связи с проблемой критериев в этимологии ближе других подошел к определению сферы приложения структурных методов в этимологии, хотя сам вопрос об этих методах не поставил.

5

При рассмотрении вопросов, связанных с возможностью применения точных методов к этимологическому анализу, в частности проблемы этимологического моделирования, прежде всего следует ответить на возможные сомнения относительно уместности введения точных методов в такую, казалось бы, далекую область, как этимология. Если этимология хотя бы опосредствованно имеет дело с фактами, отражающими системные отношения, формализация и применение точных методов возможны; в настоящее время это положение едва ли кто решится оспаривать. Другое дело, если неправильно положение о возможности отражения в этимологии слова элементов структуры. Поэтому вопрос формулируется следующим образом: целесообразно ли введение точных методов в изучение этимологии или же введение этих методов хотя и возможно, но столь же нецелесообразно, как, например, статистический анализ газа для выявления величины молекулы? Представляется, что вопрос о применении методов точных наук в этимологии составляет часть более общего вопроса о возможности распространения этих методов на общественные науки. Ответ на этот важный вопрос был достигнут в полемике между создателем кибернетики Винером и виднейшим специалистом в области культурной антропологии Леви-Штраусом. Винер утверждал следующее: природа общественных наук такова, что само развитие их неизбежно отражается на объекте их, а объект исследования с необходимостью подвергается воздействию вмешательства исследователя. Леви-Штраусу удалось убедительно показать, что среди общественных явлений есть по крайней мере

одно, к которому не приложимы возражения Винера, — язык, изучаемый в плане структурной лингвистики. Дело в том, что наше языковое поведение во многих отношениях лежит на уровне бессознательного и не контролируемого нами. Мы не сознаем морфологических или синтаксических правил, мы не сознаем, в какие оппозиции входит данная фонема; говоря, мы не контролируем статистическое распределение единиц языка. Поэтому, оставаясь на уровне характеристик, не зависящих от нашего контроля и не осознаваемых нами, мы получаем возможность изолировать исследователя от исследуемого объекта и, тем самым устранив результаты вмешательства исследователя, получить серьезные основания для математического анализа и даже для предсказания некоторых элементов системы. Один из самых блестящих образцов такого подхода связан с именем Кребера, доказавшего, что даже такой в высшей степени произвольный аспект социального поведения, как женские моды, доступен научному наблюдению и приложению точных методов. Законы, управляющие развитием мод, не могут быть выявлены чисто эмпирически; они выводятся лишь в результате измерения некоторых основных отношений между различными элементами костюма. Отношения, полученные таким образом, могут быть выражены в виде математических функций, значения которых в каждый данный момент позволяют предсказывать.

В применении к этимологии проблема сознательного и бессознательного и проблема отделения наблюдателя от наблюдаемого объекта принимают несколько особый вид по сравнению с другими областями общественных наук и даже по сравнению с другими лингвистическими дисциплинами. В частности, в этимологии роль сознательного более ощутима, чем во многих других областях, не только потому, что мы осознаем этимологию так называемых «описательных» слов, но и потому, что мы в некоторых словах осознаем этимологию, которая по существу нам неизвестна (случай «народной» этимологии). Поэтому практически удобнее использовать те слова, которые этимологически не прозрачны: именно они представляют собой удобное поле для исследования некоторых характеристик, не зависящих от контроля исследователя. Можно думать, что и в отношении «описательных» слов есть основание говорить о выделении элементов, застрахованных от вмешательства наблюдателя. Экспериментальные исследования в области семантических полей, вероятно, покажут некоторые пути для стратификации уровней сознательного и бессознательного в семантике и через нее — в этимологии. Несмотря на все это, вопрос остается весьма сложным и требует специального исследования.

Положительно ответив на вопрос о возможности применения точных методов к этимологическому анализу, надо указать некоторые конкретные пути введения этих методов в этимологическое исследование. Одним из важнейших в современной науке средств для решения сложных задач является моделирование реальных явлений или процессов. Целесообразно считать модель теоретическим построением с точным, исчерпывающим и не слишком сложным определением. Модель должна отражать реальность лишь в некоторых отношениях, существенных для исследователя в связи с теми вопросами, которые поставлены. Преимущества метода моделирования заключаются как в том, что между нашим незнанием и изучаемым явлением строится серия последовательных переходов, так и в том, что правильно построенная модель может сделать возможным применение математических методов.

В этимологии моделирование вводит исследователя в область сознательного экспериментирования, что, кстати, позволяет выяснить реальные задачи и реальные возможности этимологического анализа, отбросив в качестве обязательного задания поиски этимона. Моделирование в этимологическом исследовании предполагает целый ряд направлений. Во-первых, речь может идти о моделировании при этимологическом анализе данного конкретного слова или целой группы слов, обладающих какими-

либо общими характеристиками. В таком случае модель представляла бы собой усложненный и конкретизированный вариант общей модели этимологического акта. Большая конкретность достижима в том случае, если заранее известны некоторые существенные для анализа характеристики данного слова, отличающие его от других слов. При теперешней неразработанности критериев истинности в этимологии каждая конкретная этимология и является по существу своего рода моделированием фонетических, словообразовательных или семантических особенностей исследуемого слова. Однако это — инстинктивное моделирование, моделирование на ощупь. Хотя оно и приносит пользу, конструируемые модели оказываются не строгими. В них отсутствует указание на степень вероятности правильности этой модели. Кроме того, как правило, моделирование в современной этимологии игнорирует важное требование, предъявляемое к моделям. — отражать те черты действительности, которые существенны в свете поставленных вопросов.

Другим важным направлением в этимологическом моделировании является построение общих моделей акта этимологизации. Суть таких моделей сводится к тому, что они указывают, на какие вопросы должны быть даны ответы, чтобы этимология слова считалась необходимой и достаточной. В появившейся в прошлом году книге английского компаративиста Росса «Этимология» дается определение этимологии в алгебраической форме. Так, для слова, не являющегося заимствованием, при условии, что это слово принадлежит языку, имеющему другие родственные языки, Росс предлагает формулу

$$(II) A_0 x_0 [«z_0»] < A_1 (> A_1 x_1 [«z_1»] A_2 x_2 [«z_2»] \dots A_m x_m [«z_m»]),$$

которую можно прочесть следующим образом: этимология исследуемого слова x_0 со значением z_0 языка A_0 может считаться необходимой и достаточной, если указать, что оно происходит из соответствующего слова x языка A , к которому восходит язык A_0 ; при этом в других языках, родственных языку A_0 , слово x языка A дало слово x_1 со значением z_1 в языке A_1 , дало слово x_2 со значением z_2 в языке A_2 и т. д.

Эту формулу, при всей ее элементарности, Росс считает строгой, хотя в этом можно усомниться, поскольку в ней не уточнен ряд понятий. Операционная роль этой формулы ничтожна. Указанная формула — не что иное, как моделирование младограмматического подхода к этимологии. К тому же в формуле не учтены факторы, влияющие на этимологию слова (вроде скрещений, синонимии, паронимической аттракции, омонимических столкновений и т. п. — явлений, которые сами нуждаются в строгом формальном определении). Не случайно, что Росс не интересуется ни место слова x_0 в языке A_0 , ни значение того слова x в языке A , к которому восходит x_0 . Более современная и структурная модель этимологии была бы отражена в формуле, которая учитывала бы структурные законы поля, включающие слово x_0 в это поле (во-первых), указывала бы правила порождения и развития, в соответствии с которыми эволюционировало слово (во-вторых), и определяла бы внутренние системные связи слова x в языке A (в-третьих). В таком случае, кроме указанного Россом критерия истинности (судьба продолжателей слова x языка A в языках, разившихся из A), был бы введен еще один — траектория слова при заданных условиях (здесь уместно также вспомнить предложенный Поливановым способ проверки правильности этимологии с помощью введения вероятностей). Возможна и дальнейшая конкретизация указанной формулы (например, при учете некоторых индивидуальных особенностей этимологизирующего и этимологизируемого).

Наконец, возможны и более общие, абстрактные приемы моделирования разных стадий этимологического исследования. Эти приемы, видимо, позволяют представить хотя бы некоторые фрагменты процесса этимоло-

гизирования в виде задач, которые более успешно решаются в других областях, в частности в математике. Можно привести ряд примеров, помня их гипотетический характер.

Этимология и теория игр. Теория игр представляет собой особую область математики, исследующую задачи, связанные с нахождением оптимальной стратегии (т. е. наиболее выгодной линии поведения) для каждого из участников игры. Пока теория игр имеет практическое приложение двух родов — к играм в собственном смысле слова и к решению некоторых экономических и социологических проблем. Первые наброски теории игр были даны еще в 20-х годах нашего века в работах Неймана и Бореля; в общем виде теория игр впервые предстала в фундаментальном исследовании Неймана и Моргенштерна «Теория игр и экономического поведения», вышедшем в 1944 г. Не имея здесь возможности излагать основные положения теории игр, стоит указать лишь то, что может понадобиться далее. Прежде всего нужно различать абстрактное понятие игры (англ. *game*), которая описывается совокупностью точно сформулированных правил, и понятие игры (англ. *play*), являющейся конкретной индивидуальной реализацией игры — *game*. Далее, правила игры не должны смешиваться со стратегией игры. Первые — абсолютные команды, вторая — свободный выбор, хотя и обусловленный правилами игры. Наконец, следует знать, что есть игры с общей нулевой суммой выигрыша, когда нет ни производства новых ценностей, ни их утраты (например, в игре в карты или в других играх с целью развлечений), и есть игры с общей ненулевой суммой выигрыша (социологическая и экономическая сферы). Наряду со случаями, когда у участников игры противоположные интересы (как в играх с нулевой суммой, если отбросить некоторые более сложные случаи коалиции участников), теория игр рассматривает и такие ситуации, когда решение выбирается одним лицом, второй же участник остается по существу пассивным (борьба с природой или со случаем). При этом тот, кто выбирает систему, предлагает стратегию статистика, а реальное распределение фактов является стратегией природы.

Решение этимологических задач во многом напоминает игру с ненулевой суммой, в которой решение выбирается одним лицом — этимологом (любопытно, что уже Шухардт пытался представить решение этимологической задачи как своего рода игру). Подобным же образом в этимологическом исследовании скрещиваются динамическая стратегия исследователя с неподвижной стратегией языкового материала. Практически в этимологии стратегия исследуемого слова определяется известными правилами (законами фонетики, семантики и т. п.) плюс совокупность неизвестных нам закономерностей или исключений. Стратегия этимолога характеризуется тем, что, встретив препятствие со стороны исследуемого слова, он вправе изменить свою стратегию, причем количество таких перемен практически неограниченно. Возможно, что в будущем окажется целесообразным представление обычной этимологической задачи как игры с неполной информацией и представлении известной этимологии как игры с полной информацией, имеющей игровую функцию и матрицы.

Кибернетический аспект лингвистических исследований, как и представление языка в свете теории информации, стал обычным в последние годы. Появился ряд работ, связанных с изучением этих вопросов. Поэтому ограничимся здесь лишь несколькими примерами, конкретно относящимися к этимологии. Поскольку современная этимология в значительной степени может быть переформулирована в плане требований структурной лингвистики и представлена как наука об одном из видов систем, постольку этимология может, видимо, исследоваться и в кибернетическом аспекте. Насколько целесообразен такой подход? Дело в том, что кибернетический подход выгоднее всего в случаях, когда изучаемая система является достаточно сложной. При анализе простых систем его преимущества могут остаться в тени. Что касается языка (а не речи), то его система, по-ви-

димому, занимает среднее место между сложнейшими биологическими и простыми механическими системами в отношении количества параметров. При этимологическом анализе фактов языка к уже имеющимся параметрам добавляются некоторые новые, связанные с диахроническим подходом. На этом основании можно, видимо, считать, что системы, отраженные в этимологии, достаточно сложны, чтобы быть солидной базой для кибернетического подхода.

Кибернетический взгляд на этимологию предполагает вопрос не о том, почему из слова *a* развивается слово *b*, а почему из *a* развивается *b* и только *b*, а не *c*, *d*, *e* и т. д. Как это ни странно, нечто близкое к такому подходу существовало в этимологии уже довольно давно. Во всяком случае Жильерон, говоря о патологии и терапевтике в языке, вынужден был задавать вопросы вроде: почему из *a* и *b*, зафиксированных в одну эпоху, в следующую *a* исчезло, а именно *b* сохранилось (совсем недавно с таким подходом солидаризировался уругвайский лингвист Козериу). Дальнейшие успехи в структурном языкознании, как и прогресс в исследованиях по лингвистической географии, должны привести к тому, что в этимологии (впрочем, и в других областях языкознания) все чаще будут ставиться вопросы кибернетического свойства. Выигрыш от этого для этимологии очевиден: вместо узкого понимания причинности, опирающегося на изолированные факты, возникнет широкое и глубокое понимание причинных отношений, исходящее из системного подхода.

Изменение этимологии слова от его возникновения до настоящего времени, по-видимому, удобно можно представить как своего рода преобразование под влиянием действия различных «операторов». Выяснив, какого типа преобразования осуществлялись в истории этого слова (однозначные или неоднозначные), и определив последовательность действия «операторов», этимолог получает возможность для внутренней этимологической реконструкции, правильность которой может быть отчасти проверена исследованием траектории соответствующего слова в родственных языках. Под «операторами» же при этимологическом анализе полезно иметь в виду все те структурные изменения, которые отразились на судьбе данного слова. Например: изменения в составе фонем или в их отношениях на протяжении истории слова; введение или снятие некоторых ограничений, налагаемых на структуру слога; изменение словообразовательной модели; перераспределение в структуре семантических полей; те или иные сдвиги в отношении нейтральной и экспрессивной лексики и т. д. В таком случае было бы целесообразным рассматривать этимологическую эволюцию слова как преобразования при заданных условиях. При этом вся история слова, взятая как целое, задавалась бы перечнем отдельных эпизодов в истории слова с указанием координат, которые определяли положение слова в данный период. Естественно, что этимология слова при таком понимании являлась бы чем-то вроде вектора, обладающего особым набором составляющих. Она бы указывала, почему именно в данный период данное слово этимологизируется так, а не иначе. Возможно, что такой подход позволил бы поставить вопрос о вариантах и об инварианте при этимологических преобразованиях. И, наконец, в очень отдаленной перспективе могла бы открыться возможность гипотетического предсказания этимологии данного слова в будущем. Дальнейший прогресс в создании больших электронных машин, возможно, подсказал бы и некоторые пути практической реализации проблемы предсказуемости в этимологии.

Пока же, видимо, могли бы быть выдвинуты более скромные, но также очень важные практические задачи. Во-первых, стратификация истории фонологической, словообразовательной, семантической, лексической системы данного языка и, следовательно, определение «операторов». В результате такой работы открылись бы новые точки зрения на этимологию слова; изменяющееся слово в неизме-

н я ю щ е м с я я з ы к е, н е и з м е н я ю щ е е с я с л о в о в
и з м е н я ю щ е м с я я з ы к е. Эвристическая ценность таких пред-
ставлений заключается в том, что мы получаем возможность мысленно
экспериментировать, отключая то одну составляющую, то другую в за-
висимости от того, что нас интересует в данный момент. Во-вторых, в
высшей степени целесообразным было бы исследование всех случаев
преобразования слова при переходе из одной системы в другую — как
внутри истории одного и того же языка, так и при переходе из одного
языка в другой. Решить вопрос о том, как трансформируется слово при
переходе из системы с таким-то количеством гласных фонем в систему
с иным количеством; или как преобразуется слово, попав из системы с
открытыми слогами в систему, где открытость слога не обязательна;
или что происходит со словом из системы с многосложными словами, по-
павшим в моносиллабическую систему; или как преобразуется слово,
в данной системе входящее в определенное семантическое «поле», при
переходе в другую систему, где такого «поля» нет. и т. д. и т. п. — зна-
чит не только помочь этимологии выбрать твердые основы, но и сделать
серьезный вклад в структурную типологию. Лишь после таких исследо-
ваний могла бы быть солидно поставлена проблема детерминированно-
сти в этимологии и были бы выявлены те участки, где наиболее целесооб-
разным методом исследования был бы вероятный подход.

Еще одна аналогия может оказаться полезной применительно к эти-
мологии. Речь идет о проблеме исследования скрытых от наблюдателя
систем. Эта проблема, помимо ее первостепенного теоретического интереса,
находит применение в широкой сфере практических приложений. Ее
суть сводится к тому, что скрытая от наблюдателя система подвергается
определенному воздействию на входе с одновременной фиксацией по-
казаний на выходе (эта процедура позволяет составить своего рода про-
токол). Таким образом, первый этап исследования состоит в определении
последовательности значений вектора с двумя состояниями. Полученная
в результате этого информация дает первый набросок скрытой внутри
системы. Очевидно, что обнаружение этой системы в принципе зависит от
вопросо-ответной процедуры. Чтобы получить более полное представление
о скрытой системе, нужно перекодировать протокол. В известной степени
эта операция аналогична часто встречающемуся приему переопределения
системы с обнаружившейся противоречивостью. Лишь неоднократное
перекодирование протокола позволяет достаточно хорошо определить
скрытую систему (кроме случаев с так называемой «неполностью на-
блюдаемой системой»). Возможно, что в какой-то степени подобная опе-
рация могла бы послужить моделью для этимологического анализа или
для отдельных составных элементов его. В частности, в некоторых по-
пытках экспериментального определения семантических «полей» при-
меняется примерно такая же вопросо-ответная процедура, позволяю-
щая уточнить семантические координаты того или иного слова (при этом
вопросы ставятся экспериментатором, а ответы могут измеряться
показаниями приборов, фиксирующих сосудистые реакции). Более
специальные и менее надежные аналогии встречаются при обращении
к области традиционной этимологии, в которой эксперимент выступает
в завуалированном виде. Однако сейчас конкретный разбор этих анало-
гий был бы преждевременным, тем более что возможность представить
этимологическую задачу в виде проблемы изучения скрытой системы не-
сколько не предрешает вопроса о целесообразности такого представления.
Последняя часто оказывается в зависимости от количества вопросов, до-
статочных для выяснения этимологии слова, и еще более в зависимости
от количества полученных ответов. Особый случай, когда количество
ответов на выходе чрезвычайно велико. Если у нас есть трехфонем-
ное слово, причем каждая фонема имеет тройное происхождение, то на
выходе у нас будет 27 ответов только о фонологической структуре этого

короткого слова; если же еще есть на выходе два-три ответа о первоначальном значении слова, то общее количество ответов астрономически увеличивается. При этом хотелось бы отметить, что указанная ситуация вполне реальна для очень большого числа языков. Конечно, была бы весьма любопытной реконструкция всех возможных форм, которые могли послужить источником для данного слова. Понятно, что в этом случае определение этимологии слова могло бы быть только вероятностным. Неэкономичность такого этимологического анализа бесспорна. Однако уже сейчас ясно, что высокая степень избыточности устанавливаемых вероятностных реконструкций в области этимологии компенсировалась бы тем, что сразу же стали бы очевидными многочисленные случаи, когда решение той или иной этимологии оказалось бы вообще беспредметным в силу отсутствия сколько-нибудь надежных исходных данных.

В связи с вышеописанными случаями особое значение приобретает вопрос о критериях истинности этимологии (с ним связана проблема так называемых «равноценных» этимологий). Эта сторона оказывается настолько существенной, что она должна быть отражена и в самом определении задач этимологии. Степень надежности этимологии всегда зависит от степени системности тех условий, в которых возникло данное слово, и от того, насколько четко прослеживается последующая траектория слова. Эти два признака несомненно служат критериями истинности в этимологии, помимо ряда других. В известной степени надежны оба они как бы выполняют роль обратной связи в системе «этимолог — этимологизируемое», контролируя этимологические суждения и заключения. Если это так, то возможна еще одна аналогия из области кибернетики.

Каждое слово несет определенную информацию разного рода. Помимо информации, определяемой «операторами», действующими в данном состоянии языка, слово содержит также скрытую информацию, вскрываемую этимологом в процессе анализа. Эта информация в некоторых случаях помогает определить изменения в коде на протяжении истории слова и изменения в самом сообщении, поскольку слово является минимальным сообщением. Когда исследователю не удается извлечь всю возможную информацию из данного слова (фонологическую, словообразовательную, семантическую и т. п.), можно говорить о «шумах». При этимологических исследованиях под ними целесообразно понимать не только недоступные исследователю закономерности развития слова и исключения разного рода, но и ту долю вмешательства этимолога в исследуемый им материал, которая неизбежно искажает общую картину. Это воздействие этимолога на этимологизируемое в принципе, видимо, неустранимо хотя бы потому, что именно этимолог формулирует вопросы, проверяемые на этимологию данного слова. Тем не менее задача исследователя заключается в уменьшении помех, связанных с личностью этимолога. В известной степени эта задача может быть решена путем создания сложной системы перекрестных вопросов, причем некоторые из них (контрольные) могут быть противоположными по своему значению.

Довольно существенной задачей этимологии наших дней представляется вычисление степени информативности различных частей слова при этимологическом анализе. При этом было бы выяснено, что в каждом языке существуют несколько особые критерии истинности в этимологии. В частности, формально одна и та же структура первого слога многосложного слова несет различную информацию в применении к языку с сингармонической структурой слова и к языку, не знающему дистантной связи между гласными разных слогов. Или: слово с закрытым слогом, реконструированное для позднего этапа праславянского языка, обладает несравненно большей информативностью, чем слово с открытыми слогами. Точное вычисление информации в таких и подобных им случаях открыло бы еще один путь для введения точных методов в этимологию.